

цем. Отчет о его пребывании у торков также сохранился в “Продолжении истории Агафьевой” Менандра.

К этому времени тюркским каганом стал сменивший Диазулу “его сын” Турксанф (Тоңхан). Все исследователи, когда-либо обращавшиеся к щитированному тексту, не смогли обнаружить удовлетворительной параллели этому слову в других документах и дать ему лингвистическое толкование. Имя было записано неверно или неузнаваемо исказано в результате неточного копирования, воспроизведившегося многократно. Возможность реконструкции имени появилась сравнительно недавно. Она связана с находкой серии согдийских монет в западном Семиречье и их прочтением. Эмиссия этих монет датируется временем существования Тюргешского каганата (699–766 гг.). В тексте согдийской легенды на большой группе тюргешских монет значится: *γws'п'к γwβw – тухсан хубу “государь тухский”* [Смирнова, 1981, с. 405–410]. Наличие этой формы подтверждается китайской записью имени тюргешского кагана С245, 9367, 1594 Тухсянь (< т'ю-ха – siän <tuxsan) [Chavannes, 1903, с. 46, 47], а также часто встречающимся персидским обозначением этнического субстрата тюргешского государства *تُخسَان* “тухсан” [Minorsky, 1937, с. 99, 300–304]. Его реконструкция в форме Тухварсен (С. Г. Клынторный) малоудовлетворительна со всех точек зрения и требует аргументации. Конечное -th в слове тухсанх это аффикс мн. ч. -th\ -t в согдийском языке (ср. *kxṇtñ* “кучанцы”). Таково действительное звучание и семантика имени “турксанф” [Turksanph\Turksant, внесенного в посольский отчет 576 г.

“Посольство достигло того края, где были военные знаки Турксанфа, одного из князей тюркских, который приезжал им в эту страну попадаешься навстречу прежде других”. “Старейший же единодушней тюркский называется Арсила” [Менандр, 1861, с. 370–375, 380, 416–422]. Словом Арсила здесь передается тюркское *Арсылан/Арслан “Лев”* [Chavannes, 1903, с. 240; Moravcsik, 1958, I, с. 39]. В приведенных выше документах содержится хронологический первый письменное упоминание области (и города?) Талас и

маннхейского по содержанию имени-сана Арслан, носитель которого олицетворял собой средоточие духовной и светской власти.

Основание Таласа (совр. Тара兹) относится к I–II вв. [Сенигирова, 1972, с. 55]. По преданию, записанному в XI в. Махмудом Каширским, он существовал уже во времена Зу-л-Карнейна – “Двурогого” (Александра Македонского, IV в. до н. э.). Когда войска Зу-л-Карнейна достигли Таласа в (маннхейской; об этом см. ниже) стране Аргу, туча пролила потоки воды на землю, и образовалась непролазная грязь. Дорога стала непроходимой, и раздосадованный Зу-л-Карнейн воскликнул по-персидски “Ин чигиль ёст!” – “Что это за грязь! Мы никак не можем выбраться из нее!” И приказал возвести здесь строение Чигиль. С тех пор те из тюрков, кто приходил сюда, стали называться чигилями. Так же стали именовать и других тюрков-кочевников от Джейхуна (Амудары) до Чина (Китая), перенявших чигильский вид (долгополой) одежду, “А это ошибка” [МКМ, I, с. 374]. Помимо прямой констатации факта распространения маннхейства среди тюрков от берегов Амудары до Великой китайской стены и чигилями неудачной народной этимологии термина *шиль* из персидского “что” + *шиль* “грязь”, “глина”, “прах” (ср. христианскую легенду о сотворении Адама “из глины или праха земного”), Махмуд сообщает о постройке Чигиль под Таласом, о туче, дожде и грязи, присутствие и смысл которых пока неясны. По словам средневековых писателей, Чигиль находился на расстоянии “человеческого голоса от Тараза” [Волин, 1960, с. 81–82].

В одном из помещений замка, находившегося в 2 км к юго-западу от древнего Тараза, обнаружены детали алебастрового скульптурного изображения льва и остатки настенных украшений в виде свисающих (падающих) виноградных гроздьев. Маннхеи оказывали растениям особое почтение из-за большого количества содержащихся в них частиц света. Для избранников (*dintar*) обязательной была “печать уст” (запрет на животную пищу), они были вегетарианцами, их “чистой” пищей была растительная. При этом в огурцах, арбузах, дынях светлого элемента считалось

больше, чем в других овощах и фруктах. Запрещалось ломать ветки и топтать землю, чтобы этим не нанести вред растениям. Поэтому растительный мотив обычен для книжно-иллюстративной живописи и настенных рукописей манихеев (рис. 1).

Живопись была обязательным и отличительным атрибутом манихейства. Она играла не только эстетическую, но и наглядно-вспомогательную и большую пропагандистскую роль. Такова наполненная содержанием живопись манихейской галереи в Турфане. С этих позиций А. М. Беленицкий оценил и храмовую настенную живопись в Пенджикенте [Беленицкий, 1954, с. 66–68]. Манихейский характер привлекаемого материала побуждает подобным же образом рассматривать и часть таласской живописи с растительным мотивом, являющуюся сквозным в Манихестве. Изображение креста со стилизованными растительными символами в его створах на керамических плитках настенной облицовки в Таласе – это манихейский крест Света. В первую очередь он содержится в растениях. Это стихии Света, распятые и связанные в материальном мире (ср., например, рис. 2). Иногда это крест страдающего Иисуса. Свет, “распятый” в растениях, ассоциировался с распятым на древе крестом Иисуса. Он относится к христианскому слову в Манихействе. Падающая виноградная гроздь отражает одно из состояний Манихейского дракона, о чём говорится в “Кефалаи”: “Есть еще одна особенность у царя темных; когда ему угодно ходить, он вытягивает свои конечности и ходит, а когда ему вздумается, втягивает свои конечности, выбирает их в себя, соединяет друг с другом и падает вниз подобно виноградной грозди” [Кефалаи, 32].

И, наконец, скульптурное изображение льва. В известных сейчас сочинениях зороастриского содержания образ льва или его символы не отмечены. Поэтому считать присутствие этой фигуры каким-либо признаком зороастризма [Сенигова, Бурнашева, 1980, с. 69] рискованно. Нельзя забывать о защитно-агрессивном символе многих царей древнего Востока в образе льва. Но невозможно представить себе и “хранителя рода” в образе

льва у наследников Центральной Азии, в большей части которой лев не водился никогда. Иное дело в Манихействе, где изначально образ могущего и беспощадного царя зверей занимает впечатляющее место. Как представляется, это помещение, в котором не обнаружено следов хозяйственной деятельности, служило молельней, строением и “домом” обитателей в долгополых одеждах – чигилей, символом которых был лев.

Происхождение чигилей связано в этом предании с “гризью”, образовавшейся после того, как дождевая туча пролила потоки воды на землю. За внешне обыденным рассказом здесь скрывается та часть манихейской доктрины, согласно которой элементы Света или светоносные души при вознесении вверх отмываются, освобождаются от “скверны” (по отношению к людям это плоть, иногда силы Мрака) в облаке водяном. Этот остаток вместе с дождем выпадает вниз и образует грязь, глину, т. е. Материю. Через несколько превращений она из зависти к светоносному Первочеловеку порождает его антиподие – земного и плотского человека мира Смешения.

Кроме упомянутых выше обозначений *арслан*, существование мотива льва в Таласе подкрепляется и другим материалом. Обнаружены монеты тюргешского времени с изображением льва; на их оборотной стороне изображен знак в форме женского треугольника с полумесяцем над ним [Смирнова, 1981, с. 57–58]. Показательны отиски на дастархане с доминирующим изображением льва, лев на донной части поливной чаши [Сенигова, Бурнашева, 1980, с. 72–74].

Среди предметов такого характера выделяется отиск погрудного изображения женской головки. Шея свободна от одежды, на ней ожерелье, скрепленное в нижней части миниатюрной поделкой в форме лунного серпа, обращенного концами вниз. Все изображение снизу окаймлено большим лунным серпом.

Несравненная прелесть стройных “кумиров Тараза”, чьи брови “подобны луку”, поражала пылкое воображение средневековых поэтов. Сам же лук, равно как согнутый палец, ребро у многих народов

древности символизировал нарождающуюся луну (*месяц*). И совсем не из-за нехватки другого материала христианский бог со-творил Еву из ребра Адамова. В манихейской доктрине Луна занимала важное место. Дева таласского медальона – антропоморфный образ Луны. Её багом считался сам Мани. Двуязычный тюрко-тюхарский гимн начинается словами: “О Могуществен-ный бог Луны, подобный венду бога Хормузды, подобный коро-не бога Зурвана, мой отец Мани-Будда!” [Cabain, Winter, 1958, с. 10–11] (рис. 3). Божественный венец Хормузды – это nimbo виде лунного диска вокруг головы Мани. Корона бога вечного времени Зурвана (Даруя) – это мигра Мани. Именно таким в окружении святых он изображён в настенной живописи Турфана [Le Coq, 1912, taf. 1]. Солнце и Луна – единственные светлые божественные сущности, Светила, доступные наблюдению в материальном мире. Луна служит жилищем божеств-демиургов (Перво человек, Иисус-сияние, Дева Света). На ней происходит окончательное очищение Души живой, которая затем в качественно возрожденном чистом состоянии через Солнце поднимается к Свету (Раю) [Смагина, 1998, с. 450]. Дева таласского медальона (рис. 4; ср. аналогичное изображение из Турфана Девы Света, восседающей на троне-лотосе рис. 5) – это Дева Света; жемчужное ожерелье – это сама Луна, первое из манихейских сокровищ. В об разе обольстительной женщины Дева Света является мужским властителем земных демонов, которые поднимаются к ней в об лаках и при виде ее испускают семя. В это время их ловят ангелы и отбирают Свет, связанный архонтами, затем поднимают его к Луне [Chavannes, Pelliot, 1911, с. 565; Riessch, 1949, с. 80; Смагина, 1998, с. 394]. Луна убывает, когда очищенный в ней Свет возносится на Солнце, и прибывает, когда новая доля Света поступает к ней из Столпа славы (т. е. обители чистого Воздуха и Человека Совершенного, куда поднимается праведная душа после смерти земного человека). Полнолуние падает на 14-й день лунного месяца. Божеством его и обозначен Мани в Турфанской фреске. Бог Луны обладал неотъемлемым свойством богов –

“мудрым знанием (*bilge bilig*)”. Он был властелином, воскрепающим мертвых (*üfügüt tirılıglı beg aji tengri*) [Le Coq, 1912, с. 27–28]. Он требовал покаяния: “В каждый день бога Луны (*aj tengri*), чтобы освободиться от грехов наших и пороков наших перед Богом, писанием (*nom*) и перед чистыми священнослужителями (*agüy dıntılar*), нужно было каяться” [Хустуанифт, 183–185].

Первой письменно зарегистрированной формой религии в Согде, в том числе и в Бухаре, было идолопоклонство. Её сущность, ритуал, даже название и принадлежность к какой-либо конфессии неизвестны. Идолы были антропоморфны, имели облик человека. Зороастрийцы-огнепоклонники Ирана относились к ним крайне враждебно и были полны желания сжечь капища (буханы) идолопоклонников при первой возможности [Беленицкий, 1954, с. 57–62]. Похожие чувства испытывал по отношению к зороастрийским храмам огня тюрк-манихеец Сава (ср.-перс. syava “чёрный”) или Шава, Шаба (ср.-согд. ſ̄w “чёрный”) во время похода на Иран в 588 г.: “В Иран с тем намерением отправился Сава-шах..., чтобы сравнять с землей храмы огня” [Фирдоуси, т. 4]. Возможность определить их конфессиональную принадлежность все-таки имеется. Идолопоклонство было важной частью манихейской религии. Человекоподобные идолы считались воплощением и символами божественных светил – Солнца и Луны, последних станций на пути к Свету-Раю. В “Покаянной молитве” они назывались *öngi qaruu* “предними вратами” в смысле “передней приемной” [Хустуанифт, 46–47]. На Луне праведные души окончательно освобождались от земной скверны. “К этому же верованию [идолопоклонству], – писал Абу Рейхан Бируни, – склоняется и Мани, когда говорит: “Люди [других] религий порицают нас за то, что мы поклоняемся Солнцу и Луне и воздвигаем им изображения в качестве идолов, ибо они не ведают их подлинной сущности, а именно того, что они являются нашими путями и вратами в мир нашего бытия” [Бируни, 1963, с. 479].

В то время бухарцы поклонялись идолам (бут пааст буданд). По специальному указу царя речники по дереву (другтар) выре-

зали, а художники (наккаш) раскрашивали деревянные фигуры (бут-“кумир”, “идол”), предназначенные для продажи на лунном базаре. Ничего не говорится о том, что же они изображали. Стоит, однако, напомнить сказанное выше о “стройных кумирах” Тараза в “Шахнаме” Фирдоуси и об отиске лунного медальона на погрудном изображении женщины на венчике сосуда, найденного в Таласе, чтобы об этом сложилось определенное впечатление. Эти симпатичные фигурки пользовались большим спросом. Подобные ярмарки проводились и в других городах, например, в Тавависе. Они продолжались семь дней – в течение ущербной фазы луны. Сразу после дня полнолуния (в 15-й день), когда луна начинала печальное шествие на убыль, торговцы в знак скорби выставляли на продажу ткани, изъеденные червями. Для поощрения торговли бухарский царь Мах (Луна) сам присутствовал на ярмарке. Его трон находился там, где впоследствии был построен зороастриский храм огня того же лунного имени. После арабского завоевания (VII в.) последний был перестроен в мечеть – Месджигт-и-Мах [Смирнова, 1970, с. 144–145].

В отмеченном выше отиске – антропоморфном изображении Луны из Тараза – важна и наполнена глубоким смыслом каждая деталь. В их числе ожерелье на открытом шее богини. В персидской поэзии чистота и совершенство нередко сравнивались с россыпью драгоценного жемчужного ожерелья посылающих дождь Глейд. Добыча жемчуга всегда связывалась в ней с многоопасным трудом ныряльщика-искателя, как, например, у Саади: “Если ныряльщик подумает о пасти акулы, никогда он не подаст своей рукой драгоценного жемчуга” [Гаффаров, 1976, т. 2, с. 587, 581]. В манихейском учении жемчуг считался воплощением совершенной чистоты Света, к достижению которой стремится душа праведника. В странах древнего Востока жемчуг всегда соотносился с луной. В строках китайского манихейского трактата читаем: “Сострадание – это имя царя пяти земель изначальной судьности... Оно подобно драгоценному жемчугу, называемому Светлая Луна (Мин юэ), первому из всех сокровищ” [Chavannes, Pelliot, 1911, с. 603 – texte,

yincüärt “благородные драгоценности – жемчуга”: Gabain, Winter, 1958, с. 14]. Возможно, и само имя Мани восходит к санскритскому mani (үй.-булл. nom ärdini) – жемчужина, свет которой открывает глаза слепым, т. е. незнающим святого учения. В другом месте Мани представлен как kün aj tângî – “Бог Солнца и Луны”.

Виду важности приведем рассказ об этом, вложенный в уста Светоха, по котгскому трактату. Каплевидные жемчужины “вековой ценны” происходят от капель дождя, падающих в море. Одеждой им служит скорупта, напоминающая своим цветом прибрежную пену морской волны (“а скорупта бывает из пены”). Жемчуг созревает лишь в определенных местах моря и в назначенное время, известное ныряльщикам. “Ныряльщики знают его, – и они ловят их, плавают, ныряют в тех местах и вносят жемчужину вверх из глубины морской... Ныряльщики отдают их купцам, а купцы отдают царям и знатным людям. Такова, подобно этому, и святая церковь, собирающая от Души живой (т. е. пяти светлых стихий, сынов Первочеловека, связанных после Смешения темными стихиями в материальном мире): она собирается, возносится, поднимается из моря и помещается во плоти человеческой; плоть же человеческая подобна пне и скорупте. А поднятая вверх добыча подобна капле дождя, тогда как Апостол (т. е. основатель истинной веры, эманация Разума света) подобен ныряльщику; купцы – это Светила небесные (Солнце и Луна), цари и знатные люди – это зоны Величия (т. е. бесчисленное множество светлых миров, населенных божествами). Ибо всем душам, которые восходят в плоть человеческую, а потом освобождаются и возносятся к великим эонам Света (т. е. в Рай)... Вы же, мои возлюбленные, должны всячески стремиться стать желчужинами добрыми и достаться небу через Ныряльщика светлого. Он приведет вас к стариине кумилю” [Кефалаиа, 203–204]. Напомним, что слово йснчу (кит. C13770, 9189 или C6876, 9186 чжэнъчжу = јепсї: ДТС, с. 256) входило в состав титула кагана

Йенчу-йабгу [о нем: Се Цзунчжэн, 1992, с. 360–369]. Титул Йенчу-тон-эркин (Чжэнчжу-тунсызын) носил посланик западнотюркского Тон-йабгу-кагана [Chavannes, 1903, с. 25, 53]. Каганской тамгой государства Се-яньто в Северной Монголии было изображение круга полной луны [Ван Пу, гл. 72, с. 1306]. Его верховный правитель назывался Йенчу-бильге-каган (627–645 гг.) [Лэнь Чжунмянь, 1958, с. 998–1002].

Цитированные строки трактата помогают расшифровать содержание мнемонического предмета – ожерелья на открытом пшее даревы Луны из Таласа и воссоздать существенный штрих в картине семиреченского манихейства. Приведенный фрагмент служит ключом и для понимания известного текста Нишапури-Наршахи, состав действующих лиц которого (дэхкане-князья, купцы, знатные люди, народ, противостоящий тирану) послужил благодатной почвой для построения социального [Голстов, 1933, с. 248 и след.; Гафуров, 1972, с. 223–225] и политического [Гумилев, 1967, с. 103–106] свойства едва ли не в континентальном масштабе. Их умозрительность была, впрочем, очевидна и прежде, но положительного решения найдено не было, так как никто не вспомнил о манихейской манере иносказательности. Сверленый и готовый для ожерелья жемчуг отнесен здесь к разряду драгоценных камней (перс. тюрк. gühär “жемчуг”) и обозначен словом Джамук [Гуге, 1951, с. 142–145].

Сосуществование манихейской и зороастрийской общин в Согдиане не было мирным. Об этом можно судить по изложению тревожных событий в согдийской Бухаре и тюркском Таласе в труде арабского писателя из Нишапура, Абд ар-Рахмана Мухаммада Нишапури (XI в.) “Хазинат ал-уум” (“Сокровища знаний”). Сам труд считается утраченным, но интересующий нас фрагмент сохранился в сокращенном персидском переводе Наршахи, и составляет вступительную часть его сочинения “Тарихи Бухара” (“История Бухары”). Имеются русский [Лыкошин, 1897] и английский [Гуге, 1954] его переводы. Текст исследовался многими специалистами, в том числе О. И. Смир-

новой [Смирнова, 1970, с. 34–35], перевод и мнение которой будут учтываться.

Нишапури начинает изложение с рассказа о притоке в Бухару переселенцев из Туркестана, которым в то время считался Талас и позднее – Испиджаб. Когда людей стало много, бухарцы выбрали из своей среды человека, имя которого в разных рукописях сочинения Наршахи пишется по-разному: Абруй, Абриэ и др. Со временем он превратился в тирана. Дэхкане и купцов, будущие в силах противостоять диктатору, бежали в Туркестан и Тараз. Глава этих гонимых (ср. “цари и знатные люди” – эоны Велиция; купец – Светило небесное) носит имя Джамук – Жемчуг. Они строят здесь город Тараз, и называют его Жемчугратом (Джамукат). Видимо, речь должна идти о бухарской колонии Джамукате в области Таласа, который в памятнике Кюль-Тегина назван Букарак-улуши [Кляшторный, 1964, с. 126–131], а в китайских сообщениях Ань-го-чэн “город-государство Ань-Бухара” [Нааго, 1987, с. 25–27]. Благодаря усилиям казахстанских археологов местонахождение Джамуката теперь обнаружено. Ему соответствуют городские развалины у села Михайловка на правом берегу реки Талас в 15 км от Тараза. Его подъемный археологический материал – преимущественно согдийский [Байдаков, 1989]. Бухарцы обращаются за помощью к владыке Таласа по имени Кара-чор, и тот для восстановления прежнего статуса манихейской общины в Бухаре направляет туда своего сына, названного “Львом страны” (Шир-и Кишвар). Соблюдая обязательную для высших иерархов манихейской общины “печати руки” – “не убий” (своими руками), Шир-и Кишвар придумал для зороастрийского-огнепоклоннического тирана особо изощренный вид испытания огнем, заключавшийся в одолении узкого прохода “промеж двух плахающих поленищ: остался жив – значит, бог помиловал” [Бойс, 1987, с. 16]. В бухарском Гайкенте манихеи наполнили мешок красными – “огненными” – пчелами и посадили в него тирана. На этот раз зороастрийский бог отвернулся от своего поклонника, а часть манихейских свяще-

служителей смогла вернуться в Бухару. Эти события происходили в первой четверти VIII в. Возможно, “Лев страны” был известен китайцам под именем Арслан-таркан (Асилань-дагань). В “Изначальной черепахе” сообщается, что таковым был “младший брат” бухарского царя. В 726 г. (пятая Луна) Арслан-таркан был отправлен в танскую столицу для преподнесения императору коня и леопарда [Ван Цинъю, гл. 971, с. 11408, л. 7а; Chavannes, 1904, с. 47].

Сочетание цага-сог – торко-иранское. Слово sog – иранского происхождения. Оно было частью титула многих представителей древнетюркской и древнеуйгурской элиты. О манихейском понятии цага и его царе Драконе говорилось выше. Среднеперсидское (пехлевийское) обозначение Дракона, Аждалак, пришло в тюркское манихейство в форме Аштак (кит. ашилэ <a-sitök>*^аштак). В пехлевийском зороастризме Аждахак, наряду с присущими ему отрицательными чертами, приобретает и некоторые положительные качества. В зороастриском трактате “Дадестан-и меног-и храд” (XXVII, 34) читаем: “А от Аждахака Бевараспа и проклятого Фрасияга Турского польза была та, что если бы власть не досталась Бевараспу и Фрасиягу, то проклятый Злой дух дал бы власть (дэву) гнева” [Чунакова, 1997, с. 101]. Подобная сентенция имеется в “Шайаст-на-шайаст”. “И еще известно, что Фериудун хотел убить Аждахака, но Ормазд сказал: “Не убивай его сейчас, чтобы земля не наголнилась вредными тварями” [Там же, с. 324]. В этом свете станут понятнее ниже следующие строки о Кара-чоре рунического текста, датированного годом обезьяны. Если учесть сообщение Ван Цинъю о том, что Арслан-таркан (он же, Шир-и Кишвар “Лев страны” по Наршахи?) в 726 г. был уже в Бухаре и отправился с посольством в Чанъян, то время смерти его отца, Кара-чора, можно предположительно датировать предыдущим временем, т. е. 720-м годом, совпадающим с годом обезьяны животного цикла [см. также: Кляшторный, 2001, с. 91], упоминаемым в ниже следующей надписи.

Кара-чор является основным героем трудночитаемого Второго Таласского памятника из уроцища Айртам-ої. Будучи обитателем области Сменения, земной человек представляет собой структуру, смешанную из частей Света и Мрака. Его темное начало (qara) сковано светлой судностью и вместе с ней выступает на борьбу с силами Мрака. Видимо, это и составляет идею текста: “Мое геройское имя – Кара-чор. Почетное имя – Кара – не согрешит! (qara jazmaz)”, – говорится во второй строке надписи. Вступительная же строка содержит упоминание об отуз оғлан – “тридцати оғланах-юношах”, существование которых составляет главную заботу Кара-чора [Джумагулов, 1963, с. 18–23; ср. Наито, 1987, с. 139–140]. Консордия “отуз оғлан” упоминается восьмом (стк. 3) и десятом (стк. 3) памятниках, где она также предстает как предмет переживаний герояев надписей. При этом в десятой надписи, вырезанной, как и предыдущие, на округлой поверхности валуна, над словами отуз оғлан вырезан манихейский крест [Джумагулов, 1963, с. 25, 29, рис. 14]. Без сопроводительного контекста Кара-чор (Хагасвр) встречен в списке манихейских титулов в колофонах сочинения “Махрнамаг”, написанном на среднеперсидском языке по заказу уйгурского хана-манихея [Müller, 1913]. В утраченном китайском сочинении, фрагмент из которого “о чинах и званиях, бывших при начале түзүзөө-тюрков” сохранился в труде Ду Ю (VIII в.), об этом звании говорится: “Черный цвет тюрки называют кара. Поэтому у них и бывает звание кара-чор. Чин (~сан) очень высокий; лишь в преклонных годах становятся ими” [Зуев, 1998, с. 154, 156]. Речь идет о духовной должности, возможно, подобной сирийскому лар “наставник”, обладатель которой ведал воспитанием и обучением молодых учеников (слушателей) в манихейской “школе”, называемой “Чжанъянской школой”, называвшейся по-турски “отуз оғлан”. По отношению к ним уместно привести слова из “Покаянной молитвы манихеев”: “будучи молодыми людьми в длинной одежде (uzunlouq үйләр), сколько мы ошибались и грехами!” [Хустауганифт, 112]. “Длинные одежды (uzun ton) – это долгопомые белые рясы (jürtüng ton) [Bang, Сабайн,

1931, В.] манихейских священнослужителей, хотя в иных случаях *uzintonluq* может означать и женщину в долгополой одежде.

Слово мар “наставник”, встречено в первой строке краткой надписи на части венчика хума (по чтению А. Н. Бернштама) ев чага таги “дом кара-мара” [Джумагулов, 1963, с. 39, рис. 21]. В киргизской надписи из Суджин-Даван в Северной Монголии Мемориант сообщает, что он “дал наставнику (мар) сто мужей и стоянку (тарыма jüz er torqu bertim)”, а в последней строке называет своего сына именем Лев [Кляшторный, 1959, с. 163; ср. 1991, с. 59]. “Дом” – это место обитания светлых или темных судьностей, их семья, например *tüting arslan duday* “белый/чистый дом/семья Арслан” – название знатного дома в Кою.

Согласно одному из турфанских документов, в манихейской церкви должно быть 360 домоправителей-махистак (<согд. *mlystk* “пресвитер”, третий ранг в церковной иерархии), руководивших местными общинами [Воусе, 1960. М-36]. В согдо-торгешском предании о Черном царевиче Шу (*səgld. šw* “черный”), одетом в оболочку авестийского и пехлевийского мифа о Съяваршане-Си-явуше, но манихейскому по содержанию, говорится, что в его учреждении ежегодно раздавались 360 салютов в честь знатных людей.

Мемориант восьмого памятника (имя неразборчиво) носит титул-сан *ödä*. Тюркское слово *ödä* “мудрый” встречается в текстах (древнетюркских и китайских), главным образом, манихейского содержания и имеет религиозную традицию. В написанной самим Мани “Книге гигантов” фигурирует великан, борющийся с драконом, по имени Огий. В арамейских надписях из Хатры и Гальмиры это имя пишется *Ogā* [Виденгрен, 2001, с. 119, 223]. Значение обоих слов различно, но полное их созвучие нельзя называть случайным.

Узнав о приближении армии Эзул-Карнейна, который в этом случае выступает предводителем сил Света, Черный царевич ночью снимает свой лагерь срока воспитанников, расположившийся в степи к востоку от Реки (Сырдарьи), и уходит на восток Солнца, по-

ледней станции на пути праведных душ в страну Света (Рай). На пути к золотистым (в лучах восходящего солнца) горам

Алтухан (монг. Алхахан, кит. Аньдахань, *Лэнъэй*, сев. часть Большого Хингана), отряд Черного царевича останавливается у (манихейских) уйгуров, восторгнувшихся советом мудрого Огя, устраивает лагерь (ср. выше “дом” и “огя”), но вскоре снова возвращается в Семиречье [МКМ, III, с. 419–422; I, с. 117 – продолжение].

Древнетюркские рунические надписи пока еще слабо исследованы с точки зрения конфессиональных привязанностей их мемориантов. Твердо установлено лишь, что наличие в них слова мар “наставник (в вере)” служит ясным указанием на манихейскую или христианскую принадлежность. Отмеченные здесь случаи упоминания “дома” также можно отнести к разряду манихейской символики.

Устойчивое соотношение Талас – Манихейство – Лев зарегистрировано в тюрко-манихейской “Священной книге двух основ” (*Iki jiltiz nom*), фрагменты которой обнаружены А. фон Лекоком в селение Каракоджо (Гурфганский оазис) в 1907 г. и позднее опубликованы с немецким переводом и комментариями [Le Coq, 1912]. Текст ее колофона был объектом анализа в исследованиях Радлова (1912), Шаванна и Пельо (1913), Хеннинга (1977), Габэн (1949, 1950) и др. Как отметил С. Г. Кляшторный, целью написания “Книги”, судя по указанию в самом тексте, была проповедь манихейства в стране “народа он-ок” (десять тюркских племен). Поэтому датой ее написания он считает VII в. [Кляшторный, 1964, с. 131; 1992, с. 354]. А фон Габен датировала время ее написания примерно 780 г. [Gabain, 1949, с. 54]; Ф. Рыбаджи – X–XI вв. [Rybatski, 2000, с. 266]. “Книга” была посвящена властителю (*beg*) из чигиль-арсланов по имени Иль-тиргут, алп-бургчан, алп-тархан [Henning, 1977, с. 552]. К рукописи колофон, написанный кистью, добавлена приписка первом о том, что одним из тех, кто пользовался (для проповеди) “Книгой”, был Арслан Менго. Она была завершена в городе славных воинов-

черииков Аргу-Таласе (*Арги Талас, Altun Argi Talas, Argi Talas shuis*).

В цитированных известиях об Аргу-Таласе из колофона “Священной книги двух основ”, датирующейся VIII в., его (или ее) переписчик называет себя только по должности ауди^q хари бите^{ci} “немощный и старый писарь” и продолжает: мар isoja^d taxistak üze: kim jme ulug' amgatmaqin aylⁱ kisi^tun bitidim – “[По приказанию махистака Мир Ишьявда с великой любовью и глубоким желанием [это] я написал”] [Rybatski, 2000, с. 264]. Далее сообщается, что один из тех, кто имел отношение к этому тексту, “пришел из местности *хтай*”.

По поводу этого топонима А. Лекок высказал только недорумление, так как термин *хтай* в письменных источниках обычно отражал название киданьского государства Люо (907–1125 гг.) в Северном Китае Qitan, Qitai, Хтай и под. Последнее обстоятельство как раз и послужило для ряда исследователей прямым основанием датировать текст временем не раньше X в. Вероятно, это недоразумение: термин *хтай* в равной степени мог отражать название одной из ставок тюргешского кагана на правобережье реки Чу в VIII в. В труде Цзя Даля, использованном в географическом разделе Новой редакции “Истории династии Тан” [гл. 43б, с. 305, л. 16а; Chavannes, 1903, с. 10; Зуев, 1960а, с. 94] читаем: “...приходят в город Суйаб. На севере от города протекает река Суйаб (река Чу), а в 40 ли (примерно 16–18 км) на севере от реки находится гора Цзедань (<g`iat-tan>*ketän). Здесь каган дескти фамилий ежегодно ставят глав племен (Цзюньчжан)”. Ставить (кит. ли) глав племен тюргешский каган был не вправе: предводители племен наследственно и традиционно происходили из состава знатных родов возглавляемых ими племен. Очевидно, речь идет о вождях (кит. щоцжан), называемых на сордынские должности, как это отмечено, например, по отношению к алтак-эдизам (ширам, арсланам), служившим при ставке восточногорского Капааган-кагана; округ этих эдизов назывался С1453, 2794 Цзитянь (<kei-d`ien>*ketän) [Оуюн Сю, гл. 436,

с. 298, л. 2а]. Исповедовала манихейство и элитная верхушка каганата Се-яньюто (629–647 гг.), о чем свидетельствует приставие в его составе племени ашидэ (алтак), племенная тамга яньюто в виде круга полной луны [Цэнь Чжунмянь, 1958, с. 653] и наличие в каганских тигулах терминов *bilge* “мудрый” и *jen^{ci}* “жемчуг”. Вскоре после его падения, в 650 или 653 гг., танский император повелел учредить для его оставшейся части округ Цзитань (<kiei-tan>*ketän) [Лю Сюй, гл. 199б, с. 1495, л. 46; Оуян Сю, гл. 436, с. 298, л. 2а; Се Цзунчжэн, 1992, с. 412]. В связи с известным чередованием звуков п~ј (например, qitan~qitaj, qtaj/хтай “кидань”, qon~qoj “овца”, qan^g~qa^gу, Нама~Йама) к числу подобных наименований следует отнести название хазарских укреплений на Днестре катай/хатай [Баскаков, 1960, с. 149; Golden, 1980, с. 249–250], многочисленных китай-городов в Украине и даже Китай-город в Москве [Романова, 1964; Добродомов, 1980, с. 224–225]. Хтай “колофона аргу” (определение Л. Кларка) – это укрепление тюргешского кагана Кетан на правобережье реки Чу (Суйаб), оно находилось в стране Аргу, расположившейся от Баласагуна до Испиджаба и являвшейся частью основных земель каганата в Семиречье.

Использованное в “Книге” слово *argu* (агы) связано с тохарским *B. arkwi* [отсюда тюрк. arqu, arqun, arxon; Зуев, 1992, с. 36] “белый”, “серебряный”, “чистый”. Оно воспринималось китайцами в значении “белый”, что следует из случая калькирования этого понятия, приведенного в труде Н. Я. Бичурина: “Крик Небесных гор начинается в Кашгарском округе от Аргу-тага (горы Аргу); китайцы называют их Белыми горами Бай-шань” [Бичурин, III, с. 41]. Это тохарское заимствование омонимично тюркскому агу/аргу “ущелье”, поэтому название “страна Аргу” воспринималось исследователями как “страна с долинами между гор” или “страна, изрезанная ущельями”. Такое значение не применимо к манихейскому Аргу-Таласу или к манихейским чистым земле и небу в выражении “аркунские земля и небо (аргин јир tengri) почему потом исчезнут?” [Хуастуанифт, 136–137]. Бе-

лый (~чистый, светлый) – основной цвет манихейства и его элементов: Белый отец, белый принц, белое племя, белое одеяние, белое облако, белый лотос и под. [Van Говей, 1959, с. 1176, 1187]. “Рассказывают, – говорится в манихейской “Книге притч”, – что Белый отец, выбрав в трех мирах своих противников (по вере?), принудил их к покаянию и молитве...” По этому поводу С. Г. Кляшторный пишет: “У поминаемый здесь “белый отец” не может быть никем иным, как одним из “чистых” священнослужителей (*agty dintar*), “совершенных” (*tukalig*) и “избранных” (*adinci*), т. е. высших иерархов манихейской церкви, одетых согласно уставу в белое одеяние и белую митру” [Кляшторный, 1981, с. 130]. Страной учения Света и была страна Аргу, расположенная на землях “от Баласагуна (свр. Бурана, в Чуйской долине) до Исканджаба (свр. селение Сайрам, недалеко от Чимкента) или “от Баласагуна до Тараза”, народ которого во времена Махмуда Кашигарского (XI в.) был двуязычен, говорил по-согдийски и по-тур斯基 [МКМ, I, с. 66].

Противоашинское движение торгешей закончилось в 699 г. взятием Суйба и утверждением здесь Великой ставки/орды нового кагана. Малая ставка находилась в Кунгуте (кит. Гуньюэ; значение знаков транскрипции: “лук – луна”, “молодая луна”). Вскоре она переместилась на запад, возможно, в Илий-кент области Таласа. Первый торгешский каган именовался Йузлик (кит. Учжиэ; первые два иероглифа транскрипции значат “черная сущность”) – “предводитель манихейской консорции *jüz er* “сто мужей”. В 706 г. ему наследовал его сын Сакал (кит. Сорэ<sa-kât<saql). “Бороду, – говорится в танском “Общем уложении”, – они называют согэ (сакал). Поэтому-то у них есть (звание) сакал-тугунь” [Зуев, 1998, с. 154, 156–157].

С формальной точки зрения такая тюркская реконструкция самого имени и его значения безупречна, хотя “ношение бороды” вряд ли могло служить наиболее характерным качеством для государственного деятеля столь высокого политического уровня. В манихейском контексте слово *sakal* отражает сирийское имя *skl* –

Сакла, творца Адама и Евы. Со своей подругой Неврод они сотворили людей. Плоть первых людей – творение темных сил. В Адама и вложен захваченный вождями демонов свет, который они отдали Сакле/Сакалу. Свет человеческой души, красота и разум лишь подобны божественным. Некоторые их черты взяты от демонов, сынов мира Дымма.

Термин *saql/sakl* (кит. *sogэ*) был распространен и в согдийской среде. Так называлось “племя” (?; кит. *bu*), из которого был согдиец бухарского происхождения с китайским именем Ань Цунцзинь, служивший при дворе шада-чиギльской династии Поздняя Тан (923–936 гг.) в Северном Китае [Се Цзойчжэн, гл. 98, с. 640, л. 5а; Pulleyblank, 1952, с. 344].

Поясним вторую часть цитируемой фразы: “Потому-то у них есть (звание) сакал-тугунь”. В данном случае транскрипция C245, 1241 ту-тунь (<t’ ou-d’ un) отражает не общепринятое *tudun* “надзоратель и сборщик налогов” у согдийцев, а тюркское *tiün* “дым”. Дым – первая и высшая из стихий Мрака, антиподобие Воздуха. Духом области Дыма и вдохновлены мирские власти. Сам же “царь мира Мрака – дракон, его тело – золото”.

Манихейское золото – это тело дракона, а не золото – солнце. Поэтому в источниках ни разу не встречено обозначение ставки/орды Сакала как Золотой ставки/орды (кит. Цзинь-я). Вместо него фигурируют не существовавшие в реальности Цзинь-хэ “Золотая река” и Цзинь-фан “Золотая страна”. Соответствующим образом назывался и сам каган: Цзинь-хэ Цзюнь ван “Правитель области Цзинь-хэ” и Цзинь-фан Цзюнь ван “Правитель области Цзинь-фан” [иначе: Се Цзунчжэн, 1992, с. 646]. Красивое определение Altun “золотой” по отношению к Аргу-Таласу (Altun Argı Talas) можно рассматривать только как указание на занимаемое им место в манихейском мире Смешения и людей. Таков “благословенный” Золотой Аргу-Талас, где в “счастливый год” завершилась работа над (переводом, переписью) “Священной книги двух основ” или над ее колофonom. Это – Талас с четырьмя манихейскими обителими: в Чигиль-балыке, Кашу, Орду-кенте и Йилий-кенте.

Приведенными именами здесь представлена основная понятная группа темной части манихейского пантеона: Мрак, Дракон, Дым, Золото. Эти силы продолжают действовать в мире Смешения света и тьмы, в мире людей, хотя они и скованы силами Света. Став обладателями каганского священного (кит. С14142 хун “желто-золотой”, “золотистый” – императорский цвет, “августейший”) трона Йузлик и Сакал заложили основу новой династии, что и нашло отражение в легенде тюргепских монет тухсан. Тем не менее, после смерти Сакала в 716 г. трон был занят Сюлюком (Сулу), представителем “черной фамилии”, не имевшим кровнородственного отношения к складывавшейся династии. Этой интронизацией были посеяны зерна конфликта, и урожай пришлось собирать еще во времена каганства Сюлюка. Несмотря на его бурную и успешную военно-политическую деятельность, было объявлено, что у кагана “отнялась” рука (державшая меч), и в одну из ночей 738 г. он был убит сторонником “хун” - династии Бага-тарканом.

После смерти Сюлюка остро встал вопрос о престолонаследнике. Причиной кровавого конфликта между тухсами и азами была борьба за обладание верховным троном в Суйабе. Некоторые факты позволяют полагать, что у ней были церковные одежды. Основатель государства и его восприемник были ѿзликами (jüzlig) “обладающими сотней”. Миологической основой этого исторического образа Съяваршан / Сийавуш с его сотней юношей. Это может послужить, хотя и слабым, но единственным аргументом в пользу предположения, что сотня йозулика была юношеской (*jüz oylan). В манихейском контексте термин олан в какой-то мере был сходен с образом каждого из пяти воинов-огланов, отправленных Первочеловеком на борьбу с силами Мрака. “Юз олан” – это не военная дружина-сотня, как считал автор этих строк [Эзев, 1998, с. 61], а религиозная консорция сотни “школа” молодых учеников-послушников наподобие буддийской. Обладателями этой сотни были верховные правители государства с резиденцией в Суйабе.

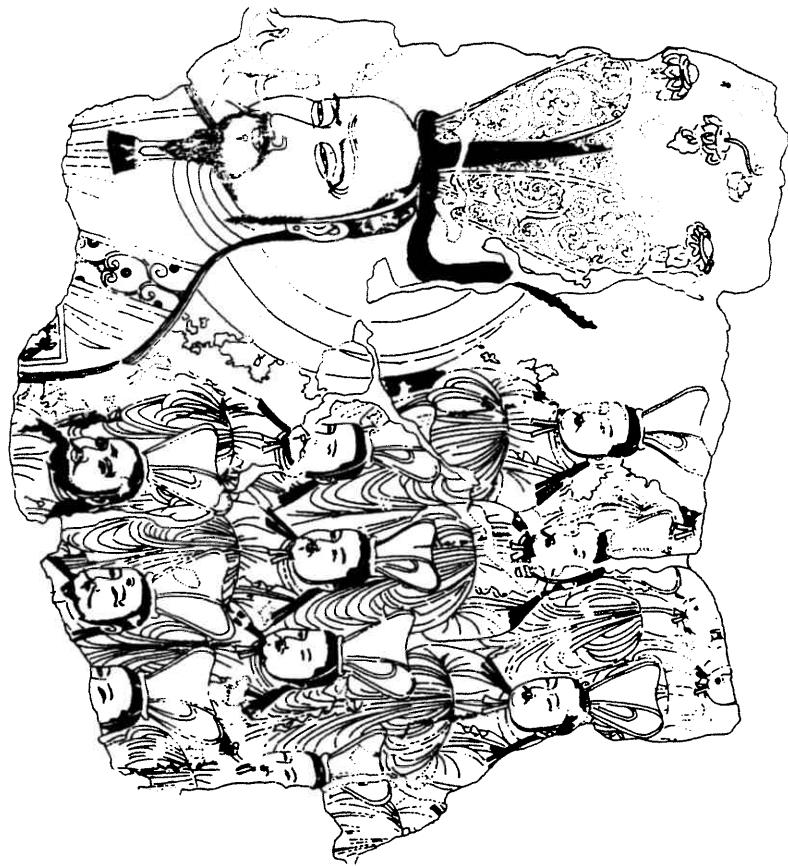

Рис. 1. Растительный узор. Иллюстрация к манихейской книге. Турфан (СУАР КИР).

Рис. 2. Манихейский крест. Каменный памятник Люаньчжоу провинции Фуцзянь (Китай).

Рис. 3. Бог Луны Мани в окружении святых. Настенная роспись. Турфан.

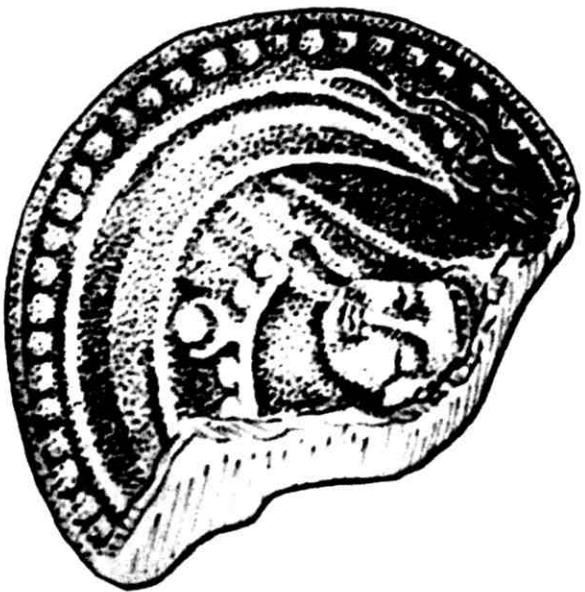

Рис. 4. Дева Света. Отиск медальона. Талас
(современный Тараз, Южный Казахстан).

Рис. 5. Дева Света. Роспись на ткани. Турфан.

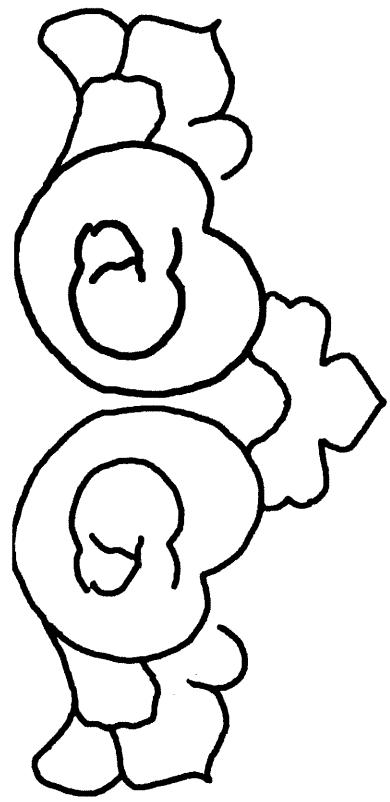

Рис. 6. Растительный узор на каменной плите рядом со
стелой Тоньюкука (Монголия).

Компьютерная прорисовка фрагмента растительного
орнамента на каменной плите

Рис. 7. Памятник из Могойн Шине усу уйгурскому Элетмиш-кагану (Монголия).

Рис. 8. Навершие памятника из Могойн Шине усу.

Резиденцией же их “младшего брата”, правителя кара-торгешей (азов), был Талас. В таласских рунических текстах подобная консордия-“школа” названа отуз оълан “тридцать юношей”.

Эти консордии находились в противостоянии. Сразу по кончине первого общеторгешского династа (706 г.) и интронизации Сакала, также йузлика, его младший брат Чжэ’ну из Таласа, будучи не

в силах завладеть троном в Суйабе, обратился за военной поддержкой к восточнотюркскому Капаган-кагану. В 708 г.

началась жестокая восточнотюркская кампания против торгешей, обернувшаяся смертью самого Чжэ’ну. В 716 г. кара-торгешский военаачальник Сюлюк из Таласа узурпировал трон в Суйабе. Через 13 лет он был убит. Его сын Тухсан не продержался в Суйабе и года; он был изгнан за то, что был кара-торгешем.

Области Саяно-Алтая входили в состав владений Тюргешского каганата (см. ниже § Кыргызы). Здесь манихейство приобрело более отчетливый характер и стало государственной религией. Изменилась “возрастная категория” послушников консордии стали называться jüz er “сотни мужей” и отуз ег “тридцать мужей”.

Чтобы развеять возможные сомнения относительно того действительность ли jüz er “сотни мужей” является обозначением религиозной консордии, а не военной дружиной, достаточно напомнить о собственно манихейских посольствах в Чанчань из манихейского Второго уйгурского каганата. Некоторые из них состояли из “сотни приордрийских мужей” во главе со священ-

нослужителями [Ван Линько, гл. 972, с. 11415, л. 16].

В енисейских эпиграфиях консордия jüz er обозначается также jüz qadaš (Е, 49), jüz er qadaš (Е, 10, Е, 42), jüz inal qadaš (Е, 65). Йэнь Чжунминь переводит слово кадаш китайским термином башлый “компаньон”, “товарищ”, “спутник” [Йэнь Чжунминь, с. 152, 223–224]. В “Древнетюркском словаре” принято его значение “родич”, “родственник”. В них отмечена также форма jüz kömül “сто кёмюлей”, причем слово kömül/kümüll было обозначением самого государства енисейских кыргызов и его элиты. Сходная картина была и здесь. Прощаясь (т. е. умирая) со своей

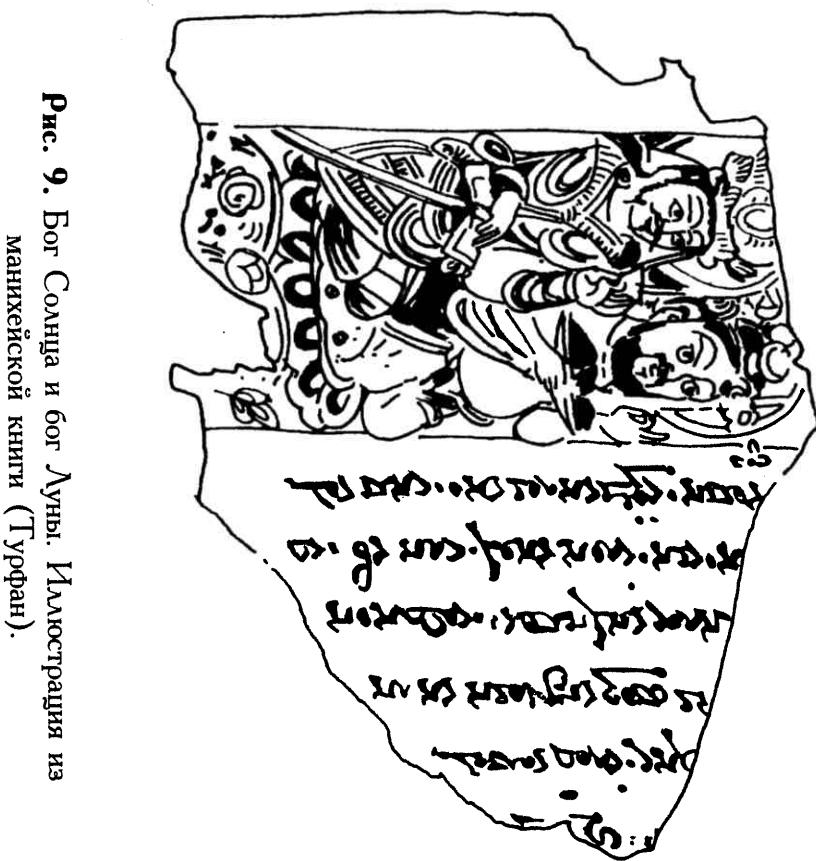

Рис. 9. Бог Солнца и бог Луны. Иллюстрация из манихейской книги (Турфан).

консорцией *jüz qadaš* “сто сородичей”, мемориант высшего ранга *Бынал-отя* сообщает в надписи: *jaūda otuz er ölürdim* – “из врагов я убил *придуать мужей*” [Кормулин, 1997, с. 169–174]. Об

уничижении *otuz* ег сообщает знатный мемориант большой элиты с левобережья Енисея в восточном углу Койбальской степи: *qadir jaūda otuz erg ölürtüm* – “в жестокой войне я убил тридцать мужей” [Кормулин, 1997, с. 30–33]. От имени Тархансунгуна, погибшего вместе с возглавляемой им консорцией *otuz* ег, говорится в третьем памятнике на левобережье среднего течения реки Уйбат: *otuz er başlaju tutuṣa bard[im] adirildim* – “во главе тридцати мужей я вступил в схватку – и разлучился (т. е. умер)”

[[Кормулин, 1997, с. 99–117].

Эта аналогия правомочна. Из-за отсутствия письменного материала говорить об идеологических мотивах внутриманихейского противостояния обеих консорций пока невозможно. Но их принадлежность разным социально-иерархическим уровням очевидна. Сказанное играло не последнюю роль в борьбе за верховную власть. Но так было не везде. Мемориант последней из цитированных надписей, судя по его богатству и масштабности совершененных им действий, входил в элиту государства.

Взаимная ненависть переросла в гражданскую войну. Кратковременную победу в ней одержали сторонники Сюлока, поднявшие на каганство в Суйябе его сына Тухсана (*кит.* Тухсянь) – “государя тухского” согдо-торгеских монет. В 576 г., когда к Тухсану (Гурксанф) приезжал византиец Валентин, в 738 г., когда произошла интронизация торгешского Тухсана, и даже в XI в., когда писал Махмуд Кашигский, племя тухс/тухси исповедовало Манихейство, о чем можно судить даже по его обозначению тухси-чигиль, т. е. “тухси-манихейцы” [МКМ, I, с. 399]. Его “младший брат”, также из “черной фамилии”, “охранял город Галас”.

Китайские обозначения хэй-син тушили и хэй-син кэхань (“торгеси черной фамилии” и “каган черной фамилии”) являются переводом древнетюркских *qara qan* [Нагто,

1987, с. 93–96, 315–316]. Сочетание *qara qan* содержится в этиграфии первого памятника с Уйбата (Е, 30).

Отступление о доме и домоправителях. В ряде китайских

манихейских текстов термин *махистак* записывался иероглифами С8557, 8497 (или равнозвучными 8501), 14720, 14506 мо-си-си-дэ (<тэк-үеi-сiet-тэk<maxistak). Транскрипция этого термина обнаруживается также в строке 8 китайского текста сильно выветрившейся и эрозированной уйгурской надписи из Карабалгасуна (Сев. Монголия). В иероглифах 57–62 этой строки не читаются знаки 58–59, за ними следуют С8501, 14720, 14506 (?-си-си-дэ<?-үеi-siet-тэk<?xistak), которые исследователями надписи воспринимались не транскрипцией, а частью верbalного повествования. Эта часть надписи (строки 8–10) посвящена утверждению манихейства среди населения Второго уйгурского каганата в 763 г. Утраченным иероглифом 59 был С8557 мо (<тэк). Реконструированная транскрипция уверенно читается тэк-үеi-сiet-тэk<maxistak [Рэллиот, 1929, с. 249]. Группу иероглифов 57–62 предпочитительнее теперь читать: *най* [ли мо]-си-си-дэ – “и тогда поставили махистак”. Несмотря на государственный статус учения Света в каганате, глава его манихейской общины был обладателем не верховного ранга в иерархии манихейской церкви (улут можак, архиепископ), а третьего – махистак-домоправитель, пресвитер. Такое положение сохранялось и все последующие годы. 795-м годом датируется документ, в котором главой общины каганата назван “божественный наставник (mar) и новый Мани махистак Айын” [Риесч, 1949, с. 139–140; Капиторний, 1992, с. 355; Камалов, 2001, с. 157]. К истории каганата относят и тюркский фрагмент в публикации и переводе А. фон Лекока [1912, с. 147] о посещении уйгурским Букук (в тексте *rwkwk*; Лекок: *burqy*) – ханом манихейского священнослужителя-можака (в тексте *mažarak*) в Кою: *tängriken* *Biqy* *qan* *qoçoqaru* *keilpen* *qoin* *jılqa* *yüç* *maxistik* *olımtaq* *üçün* *mažarak* *kindedi* – “Придя в Кою в год овцы, Небесный уйгурский Букук вел переговоры (*verhandelte*) с мажаком о назначении (*Einsetzung*) трех махистаков”. Текст вызвал

дискуссию [обсуждение см. Камалов, 2001, с. 156–157]. По мнению В. Рыбацкого, которое разделяет пишущий эти строки, слово *olurtaq* означает здесь не “назначение на должность”, а указывает на празднование, связанное с памятью о главах манихейской церкви, принявших мученическую смерть. Это самое важное в восточном манихействе празднование называлось *Иммики* – Молитва. Оно восходит к событиям 291 г. (время правления Бахрама II) и новых гонений на манихеев в Иране, когда были распяты три манихейских пресвитера (ср. иж. *maxistak*) вместе с Сисином, учеником Мани и его наследником на церковном престоле [Rybatzki, 2000, с. 259–260; Asmussen, 1965, с. 178, 224–225]. В состав торжеств по случаю неколебимости церкви входил обряд молитвенного сидения *olursuq* (вм. *olurtaq* разбиравшего текста). Семи ежегодным сидением посвящен четырнадцатый раздел покаянной молитвы “Хастуанифт”, начинаящийся словами: *bir jilqa jiti(i) j(i)mki(i)* *olursuq töri bar erti* – “был закон семь раз в году (совершать) сидения (*olursuq*) Имки”. В их состав входило соблюдене сидячего (молитвенного) поста в обрядовом зале *чайдан* в месяц воздержания чахшат.

Эквивалентом термина *maxistak* в гимнах был неологизм *mänsärdär* (ср.-перс. *m n̄ ḡ* “глава дома”) [Sundermann, 1971, с. 22; Tongerloo, 1982, с. 284], по-китайски *фа-тан* чжу буквально “глава зала Закона/Учения” [Waldschmidt, Lentz, 1933, с. 521–522], “те, которые имеют резиденцию в залах Закона” [Geng, 1991, с. 222], “монахи, которые являются хозяевами зала священного писания” [Tongerloo, 1982, с. 284], “владыка дома Закона”. Сохранилось тюркское обозначение этого сана в китайской записи. “Имеются каганы, – писал Ду Ю в VIII в., – достоинством ниже яйбу. Бывает также [предводители] большой фамилии (т. е. манихейской общинны – Ю. З.) называются эз-каган. Дом тюрки называют эв; это значит *каган дома*” [Ду Ю, гл. 197; Van Цинь-жо, гл. 962, с. 11319, л. 106]. Речь идет о каратюрках и караханах Таласа. Отолоски манихейского бытия слышны в сочинении правоверного мусульмана Абу-л-Гази. Он вспоминает о

временах, когда не было *настоящего* государя. Это время тюрки называют “во главе дома кара-хан” [Кононов, 1958, стк. 420]. Вероятно, появление столь своеобразной тюркской адаптации религиозной терминологии объясняется тем, что, будучи парфянской, тохарской, среднеперсидской или согдийской по происхождению, она не всегда органически воспринималась в новой языковой среде. Поэтому и появлялись такие сочетания, как *каган Света* (см. ниже), *mar şad* [Zieme, 1975, с. 59].

В древнетюркском языке термин *qara* имел также значение “масса”, “толпа”. Выражение *qara türgeş bodun* в предложении *qara türgeş bodun qor ičkdi* (КТб, 38) переводилось С. Е. Маловым: “(Но) Масса тюркского народа вся откочевала вглубь страны (т. е. подчинилась)” [Малов, 1951, с. 34, 41], а авторами “Древнетюркского словаря” как “весь тюркский народ целиком подчинился” [ДТС, с. 423] вместо “народ кара-туркешей по большей части (т. е. не целиком!) подчинился”. Такой перевод ближе к тексту, он дает представление об идеологическом облике тюркской истории и о ходе исторических событий, в результате которых Тюркский каганат потерпел поражение и оказался в зависимости от восточных тюрков, но не “был уничтожен на несколько лет”. Кюль-Тегин умер на 47-м году жизни 27 февраля 731 г. В тексте его памятника среди приехавших по этому случаю с болезнамиими представителей разных народов упоминаются приехавшие от тюркского кагана Макрач, хранитель печати (*tamjaci*), и хранитель печати Огуз Бильге (КТб, 53). О существовании борократической должности хранителя государственной печати в древнетюркских государствах того времени источники ни письменные, ни вещественные не свидетельствуют, хотя в целом их чиновная номенклатура известна. Тем не менее, само понятие тамгачи существовало, оно зарегистрировано письменно. В манихейской доктрине печать (турк. *tamta*) – это уподобление темной или смешанной судьбы другому образу, придающее им сходство с носителем этого образа и устанавливающее между ними отношения связи и подчинения. Печать божествен-

ного образа влечет смешанную сущность к небесам, ей запечатлевается праведная душа – Разумом света при жизни [Смагина, 1998, с. 439]. Тюргешские посланники, “стонавшие” на похоронах Коль-Тегина, Макрач (<согд. тму’г’с <скр. maharaja “великий царь”) [ср. Stael-Holstein, 1910, с. 128] и Огуз Бильге были хранителями печати не в канцелярском, а совсем в ином смысле.

Значение китайских знаков, входящих в не совсем точную, но все-таки объяснительную и поэтому информативную транскрипцию имени Гужсан (Гу-хо-сянь) – “святой, который источает огонь (или: испускающий огонь)”. Представление об огне относится к зороастрийскому слову учения Мани. Напомним, что, согласно его учению, огонь dualisticен, это два Огня: олицающий и созидающий божественный Огонь (турк. от tengri) и его антиподобие – уничтожающий сатанинский Огонь-Пожар мира Мрака (турк. ört). “К тому времени, – говорится в “Кефалаи”, – когда Первочеловек вышел на врага, он вызвал пять Одеяний живых и смирил Мрак Одеянием Огня живого; в том Одеянии он погасил Пожар врага; низверг его существо и гордыню” [Кефалаи, 127]. Подобное отмечено в надписи стелы Тоньюкука в эпизоде прихода карагюргешей к местности Болучу (совр. Булун-тохой на востоке от Улюнгура в Джуунгарии) [Giraud, 1960, с. 179] для сражения с восточными тюрками: örtčä qizip kelti – “они пришли, пламенея, как пожар”. Приведем описание этого сражения (стк. 39–40) в переводе С. Е. Малова: “На второй день они пришли. Они пришли, пламенея как пожар. Мы сразились. Сравнительно с нами их два крыла наполовину были многочисленнее. По мистости Неба (tengri; бога? – Аёт.) мы не боялись, говоря, что их много. Мы прогнали (врагов), их кагана мы схватили, их ябуу мы умертили” [Малов, 1951, с. 63, 69].

Отступление о Тоньюкуке. Он был представителем катульского племени в династийной коалиции и имел высшую ордынскую должность айучи. Его татта на Чойранской стеле полностью совпадает с тамгой племени аштак (ашида) в “Танском обозре” и, и это с несомненностью свидетельствует в пользу все-таки

бывшего гипотетическим предположения, что он был ангаком [Кляшторный, 1980, с. 94–95]. Восточнотюрккоманихейский термин аштак значит “дракон” с головой льва (ср.-перс. Šir) как эманация и глава Нижнего мира. От имени народа тюрков-широв (türk-šir bodun) он и выступает в надписи на байндоктинской стеле, рядом с которой находится стела с растительным (манихейским) мотивом (рис. 6). Термин ишр передается рунами 𐰃, которые могут (вопреки манихейскому контексту) читаться si [например: Кляшторный, 1986]. Эти же руны встречаются в строке 21 надписи Кюль ич чора в местности Ихэ Хушуто в 200 км к юго-западу от Улан Батора в Монголии. Здесь говорится об окончании трехлетней тюрко-карлукской войны (709–711 гг.), в результате которой тюркам, среди других, подчинился Йигян-иркин, сын Шир-иркина [Clason, Tujański, 1971, с. 19, 22, 29]. Вероятно, Шир-иркин был известен под чисто тюркским именем Арслан-иркин. В источнике сообщается, что через два года после описываемых событий танского подданства добавился [a] салань-сыцзинь (Арслан-иркин) [Дун Гао, гл. 40, л. 15а–16; Van Цинъжо, гл. 170, с. 2053, л. 16а–6]. Китайской транскрипцией термин ишр было С8748 иши (<siet<šir). В первом китайском повествовательном сообщении о карлухах (644 г.) они названы ши-гэлолу (шир-карлук) [Van Цинъжо, гл. 656, с. 7858, л. 176]. “Львиный” манихейский символ они сохраняли вплоть до времени подчинения Монголам в начале XIII в. В “Сборнике летописей” сообщается, что Чингиз-хан снял с подчинившегося ему карлукского предводителя прежнее имя ارسلان خان (Арслан-хан), “Пусть будет имя тебе Сартактай, то есть Таджик (Перс)”, – сказал владыка [Рашид ад-Дин, 1965, с. 351]. Имеются и другие данные о манихействе карлуков. В данном случае важно, что карлукский материал надежно подкрепляет чтение ишр (“лев”) в надписи Тоньюкука.

Тоньюкук был в должности айучи последовательно у трех каганов. Термин айучи (<*aj- “говорить”, “распоряжаться” + -чес причастие абсолютного общего времени) в тексте стелы

Тоньюкука значит “советник”, что подтверждается более поздним китайским сообщением, что Бильгэ-каган (Моцзянь) советовался (кит. moy) с Тоньюкуком в вопросах государственной политики [Су Тяньцюе, гл. 70, с. 1014]. В других рунических надписях термин айтучи не встречен; он известен лишь по текстам манихейского круга. В “Истории династии Юань” он зафиксирован в записи шацзинь айхучи [Сун Лянь, гл. 36, с. 432, л. ба], т. е. *šazin aijuci* “проповедник вероучения” [несколько иначе: Гэн Шиминь, 1978, с. 537]. Во время своих археологических работ в Синьцзяне проф. Хуан Вэнъи обнаружил большой (125 строк) фрагмент правительского указа уйгурского государства Коcho о хозяйственной деятельности манихейского монастыря. Он был факсимильно опубликован им в “Записях по археологии Турфана” [Тулуфань каоту цзи, 1954, табл. 89–94]. В обзоре научного исследования он введен немецкой интерпретацией Г. Йонне [Zieme, 1975, с. 331–338]. В 1978 г. его китайский перевод с комментариями и вордами и словарем сделан Гэн Шиминем [с. 529–548]. В 1991 г. он опубликовал его английский перевод с комментариями и вторичной публикацией оригинала [Geng, 1991, с. 209–230].

Означенный термин использован здесь 13 раз в сочетании *iš aijuci*, переведенном на китайский язык дословно: “управляющий делами” (Гуаньшиди), а по-английски обобщенно “ответственное лицо” (person in charge). В “Древнетюркском словаре” (с. 214) это сочетание (из другого документа) переведено словом “советчик”. Следует помнить, что слово *iš* данного сочетания значит “работа”, “дело”. Это последнее обстоятельство побуждает вспомнить слова из 52-й строки стелы айтучи Тоньюкука: “...Я, не став по ночам, не имея покоя днем, проливая красную свою кровь и заставляя течь свой черный пот, отдавал (свою) работу (или: дело; *iš*)...” [Малов, 1951, с. 64, 69].

В третьей и четвертой строках фрагмента говорится, что весь годовой доход манихейского монастыря находится в распоряжении или айтучи по имени-тигууу (сану?) Можак Илимга-турук. Термин путук значит “правитель области” [Еседи, 1965, с. 84–

86]. Слово можак (*уйг. možak, согд. twčk, ср.-перс. hamnozag, кит.-соврем. мош*) [Chavannes, Pelliot, 1911, с. 569; 1913, с. 100; Tongerlooy, 1982, с. 277–280 и др.] значит “глава церкви”, “глава Закона/Учения”, “Учитель”, архиепископ. Согласно доктрине во всей манихейской церкви было 12 архиепископов-можаков. Реди-денцией можака Востока стал Коcho. Частью Восточного епископата была страна Аргу, т. е. Семиречье [Henning, 1977, с. 551–552]. В привлекаемом указе можак назван *tängri možak* “его Светлость архиепископ”, хотя имеются и другие, исторически более солидные эпитеты, разбор которых оставим до другого случая. Важно иное: судя по документу, в круг обязанностей можака входило исполнение функций иши айтучи или носителей этой должности (их двое) входили в число ближайших помощников можака.

Иши айтучи (и два хрухана) отвечали за все имущество монастыря, за кухню и печи. Они следили за режимом питания монахов, особенно высших, кормежкой скота. Похожий мотив (и это уникально для рунических надписей) слышен в тексте Тоньюкука. “Мы жили, питаясь зверьем (*keik*) и зайцами. Горою народа было съто” (стк. 8), – говорит он. “Я думал: если (будущий хан) вообще (букв. сзади, вдали) знает, (что у него есть) и тощие быки, и жирые быки, то он не может (не способен, не знает) называть (в отдельности, который) жирный бык (и который) тощий бык”, – говорит он в другом месте [Малов, 1951, с. 61, 65, стк. 5–6].

Предметом отдельной заботы иши айтучи были монастырские земли и взимание высокой ренты за их пользование. С позиции положения Тоньюкука “народ тюрков-широв” (*türk šir bodun*) – это и есть народ тюркского государства, что как раз и подтвердилось в 716 г., когда ордынские аштаки подверглись кровавым репрессиям, а в стране начались настолько серьезные волнения, что Бильгэ-каган был вынужден немедленно вернуть из ссылки Тоньюкука и стал исполнителем его воли. Особенной чертой народа тюрков-широв было то, что они, по надписи являлись властьми земель государства (*türk šir bodun jeri* “земля / страна

народа тюрок-широв"). Она характерна и для катунской консorции в составе династии коалиции каган-катун (ашинапицэ) в период господства "братской семьи". В этом проявились почти универсальная способность положений манихейской доктрины сливаться с условиями местной социальной среды.

В погребальном комплексе Лаган-обо (Центральный аймак Монголии), где находится стела Тоньюкука, нет захоронения в земле: "прах Манихея нельзя предавать земле, дабы не осквернять ее". Он был захоронен в каменном ящика, который находится неподалеку от стелы [Войтов, 1996, с. 49]. Там же находится обелиск с растительным узором (рис. 6).

...Вернемся к эпизоду прихода тюргешского войска к местности Болчуу в 708 г. и его оценке в надписи Тоньюкука, в которой присутствует отмеченный в "Кефалаи" мотив борьбы двух Стгней-антиподов. Параллельное и с большими подробностями описание содержится в тексте памятника Кюль-Тегину: "Войско тюргешского кагана пришло при Болчуу подобно огню и вину (отъ боюнгэлти). Мы сразились, Кюль-Тегин схватил собственноручно кагана приказного тюргешей, тутука азов. Их кагана мы убили, его племенной союз (иль-эль; государство. – Авт.) покорили. (Но) масса тюргешского народа вся откочевала вглубь (страны, т. е. подчинилась) (Надо: народ кара-тюргешей по большей части подчинился). Тот народ при Габаре (?) мы поселили..." [Малов, 1951, с. 32, 41; ср. Юдин, 2001, с. 280].

Вместо точно воспроизведенной манихейской формулы *ögtä qızır kelti*, Бильгэ-каган, от имени которого ведется рассказ в этой части текста, антитоньюковского по своей направленности и содержанию, при характеристике тюргешей говорит откровенную нелепицу, призванную свести на нет слова Тоньюкука и его роль в исходе этой кампании. В этом заключен единственный смысл и назначение приведенных слов Бильгэ-кагана, поэтому предпринимавшие попытки обнаружить что-нибудь другое [Шербак, 1975; Adamović, 1996], несмотря на изобретательность их авторов, остаются безупречными. Но при этом он уточняет, что речь идет не о тюргешах

вообще, а именно о кара-тюргешах, сообщая, таким образом, об их манихействе. Слова про убийство кара-тюргешского кагана – тоже неправда. В битве при Болчуу правивший тогда Сакал-каган не погиб. Не был он и казнен. Казнено было лишь его имя Сакал, но осталось другое – Шоу-чжун, под которым он и встретил свою кончину в 715 г. [Цэнь Чжунмянь, 1958, с. 900–901; Chavannes, 1903, с. 80, 265, 308]. Тюргешский каганат существовать не переставал.

Сложнее обстоит дело с "поселением" кара-тюргешей. Глагол *qondig-* (понудительная форма от *çon-* – избрать местом жительства, "оседать") встречается в той же надписи (КГб, 21): "На восток за Калырканской чернью (горы Большой Хинган) народ мы так поселили" – *ilgeri qadıqan jışqasa bodunuyança qontutüniz*. Речь не о тюркском народе, а об огузах современной Внутренней Монголии, а также о киданях и кай, оказавшихся в подчинении у восточных тюрков, которое и названо "устройством" или "приведением в порядок". Они столетиями были известны как обитатели вполне определенных территорий [Бичурин, І, с. 362–370]; они не покидали их и после подчинения. Неприкосновенным оставался и институт их правителей из собственной среды. Они находились в тюркской зависимости, заключавшейся в ежегодной присылке дани и военном участии на стороне тюрков. Откочевка и уход за пределы военной досижаемости сюзерена всегда были пассивной формой борьбы за освобождение от зависимости. Подобная ситуация отмечена у монголов: "Без разрешения Хорчи лесные народы не должны иметь права свободного передвижения. По поводу самовольных переходов – нечего и задумываться!" [Козин, 1940, с. 101]. В данном случае "поселение" означало закрепление прежних территорий и запрет покидать их границы. Это обязательное правило было нарушено кара-тюргешами уже в следующем году [см. Кляйтгорний, 1964, с. 138–140; ср., однако, Аманжолов, 1999, с. 120–121].

В приведенных сведениях, начиная с 568 г. и по 738 г. все упоминания о Галасе неизменно связаны с манихейством. Знание Галаса было неизменно большим у тюрков и затем тюргешей в течение, по крайней мере, отмеченных 180 лет. Поэтому их